

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Х.

10.07.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президента Пановой В.С., членов Совета Зеленского А.В., Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Морозова М.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е. (участвовали очно), Передрука А.Д., Чангли А.И. (участвовали дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz»), в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 10.07.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Х. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 19.06.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Х. послужила жалоба Б.А.М., поступившая в АП СПб 19.06.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 21.06.2024.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 24.10.2024 в действиях адвоката Х. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом;*
- п.п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре): *адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу;*
- абз. 1 ст. 12 КПЭА во взаимосвязи с ч. 1 ст. 50 УПК РФ, п. 6 ст. 15 КПЭА во взаимосвязи с п. 4 Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, Решения «О порядке оформления Соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований», утверждённого Советом АП СПб 04.02.2020 (протокол №1), с изменениями на 29.03.2021:

Участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением

закон в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

Защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить несколько защитников.

Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключающих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу; получить согласие на оказание ему юридической помощи по соглашению, заключенному адвокатом с иным лицом.

В соглашении недопустимы формулировки, допускающие неоднозначное толкование его условий, так как это создает предпосылки для возникновения недопонимания между адвокатом и доверителем и может привести к подрыву доверия, что противоречит нормам профессиональной этики адвоката.

Адвокат не вправе заключать с доверителем соглашение, условия которого не обеспечивают их однозначного понимания, и, следовательно, могут ввести в заблуждение доверителя относительно характера и объема оказываемой ему юридической помощи. Поручение адвокату должно быть сформулировано корректно и максимально конкретно, чтобы на практике не возникало неопределенности в его толковании. Поскольку содержанием соглашения является юридическая помощь, то есть, специфическая деятельность адвоката, предметом поручения следует считать те действия, которые адвокат обязуется совершить в интересах доверителя при оказании такой помощи.

Нарушение выразилось в следующем.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что 21.02.2024 между адвокатом Х. и И.В.И. заключено соглашение № об оказании юридической помощи, однако И.В.И. не знаком ни Б.А.М., ни его супруге.

Согласно п. 1.1 соглашения «доверитель поручает, а адвокат принимает к исполнению поручение об оказании квалифицированной юридической помощи при рассмотрении в Куйбышевском районном суде г. СПб ходатайства следователя ГСУ МВД по СПб и ЛО об избрании меры пресечения по уголовному делу Б.А.М., 30.01.1986 г.р., консультация, участие при допросе в качестве подозреваемого/обвиняемого, анализ сложившейся ситуации по уголовному делу с учётом материалов представленных следователем в суд, запрос в т2-мобайл на истребование документации, регулирующую трудовую деятельность».

Предмет соглашения, сформулированный в п. 1.1. не соответствует «сущности поручения», указанной в ордере как «защита Б.А.М. по уголовному делу».

Из пояснений адвоката Х. следует, что при обращении к адвокату И.В.И. для заключения соглашения на защиту Б.А.М. его законный интерес и характер его взаимоотношений и родственных связей с Б.А.М., адвокат не выяснял. Сведения о том, что И.В.И. состоит в коммуникационных отношениях с Б.А.М., в материалах дисциплинарного производства отсутствуют.

В соглашении об оказании юридической помощи отсутствуют какие-либо идентификаторы доверителя И.В.И. – лица, заключившего соглашение на защиту Б.А.М., а именно отсутствуют его паспортные данные, адрес проживания, сведения о телефонах и об иных средствах коммуникации с доверителем.

По мнению Квалифкомиссии при указанных обстоятельствах достоверность поручения И.В.И. с целью осуществления защиты Б.А.М. вызывает сомнения.

Из материалов дисциплинарного производства также следует, что соглашение было зарегистрировано в документах Балтийской коллегии адвокатов имени Анатолия Собчака (далее – БКА), в которой адвокат осуществлял свою деятельность до 10.04.2024, только 05.06.2024, то есть через три месяца после его заключения (21.02.2024) и через два месяца после отчисления адвоката из указанного адвокатского образования.

Квалифкомиссией также установлено, что экземпляр соглашения Б.А.М. адвокатом Х. не передавался, о тексте соглашения доверитель Б.А.М. узнал только из ответа БКА от 05.06.2024.

Кроме того, Квалифкомиссия согласилась с доводами заявителя о ненадлежащем формулировании предмета соглашения.

Так, предмет поручения, указанный в п. 1.1 соглашения от 21.02.2024, предусматривает оказание квалифицированной юридической помощи при рассмотрении в Куйбышевском районном суде Санкт-Петербурга ходатайства следователя об избрании меры пресечения по уголовному делу Б.А.М., консультацию, участие в допросе подозреваемого/обвиняемого, анализ ситуации по делу с учётом материалов, предоставленных следователем в суд, истребование документов.

По мнению Квалифкомиссии очевидно, что определённая и конкретность в предмете Соглашения № об оказании юридической помощи от 21.02.2024 отсутствуют.

Более того, Квалифкомиссия пришла к выводу о нарушении адвокатом Х. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, выразившемся в том, что он заключил соглашение на защиту Б.А.М. в объёме, не предполагающем защиту обвиняемого на всей стадии предварительного расследования, что является ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем.

Кроме того, в соответствии с заключением Квалифкомиссии от 24.10.2024 в действиях адвоката Х. также усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- п. 1 и 2 ст. 6 Закона об адвокатуре: *полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации. В случаях, предусмотренных федеральным законом, адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый адвокатским образованием, в котором адвокат осуществляет адвокатскую деятельность, или адвокатской палатой, членом которой является адвокат. Форма ордера, требования к его заполнению и оформлению утверждаются федеральным органом юстиции. Порядок изготовления, выдачи и хранения ордеров утверждается советом Федеральной палаты адвокатов. В иных случаях адвокат представляет доверителя на основании доверенности. Никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления соглашения об оказании юридической помощи для вступления адвоката в дело;*
- подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре: *адвокат обязан: честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции;*
- абз. 1 ст. 12 КПЭА: *участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального*

законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.

- п. 6 ст. 15 КПЭА во взаимосвязи с «Положением об ордерах на исполнение поручений об оказании юридической помощи», утвержденном Советом АП СПб 12.10.2017 (Протокол № 12):

Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции.

В графе «основания выдачи ордера» по соглашению указываются номер и дата зарегистрированного в документации адвокатского образования соглашения на оказание правовой помощи.

Основанием для выдачи ордера является соглашение адвоката с доверителем на оказание правовой помощи, зарегистрированное в документации адвокатского образования.

- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*

Нарушение выразилось в следующем.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что адвокатом Х. в подтверждение своих полномочий на защиту Б.А.М. в органы предварительного расследования представлен ордер № от 21.02.2024.

Квалифкомиссией сделан вывод о том, что доводы жалобы Б.А.М. о фиктивности заключённого соглашения заслуживают внимания постольку, поскольку, как это было указано выше, соглашение об оказании юридической помощи от 21.02.2024 было зарегистрировано в документах адвокатского образования с существенной задержкой и лишь после того, как в адвокатское образование поступили запросы, а сам адвокат Б.А.М. уже перестал быть членом БКА, в соглашении отсутствует чётко определённый предмет, соглашение не содержит данных доверителя, заключившего его, в кассу адвокатского образования денежные средства (вознаграждение адвоката) не вносились, а непосредственному получателю юридической помощи копия соглашения вручена не была.

С учётом вышеизложенного, Квалифкомиссией установлено, что адвокатом Х. был выписан ордер на исполнение поручения об оказании юридической помощи без заключения соглашения и регистрации его в документации адвокатского образования.

Наконец, в соответствии с заключением Квалифкомиссии от 24.10.2024 в действиях адвоката Х. также усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре: *адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами;*
- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*

Нарушение выразилось в следующем.

По мнению подателя жалобы, с учётом того, что с содержанием соглашения об оказании юридической помощи он не был ознакомлен, в ордере адвоката указана «защита Б.А.М. по уголовному делу», а сам адвокат Х. не сообщил об ограничении своих полномочий, Б.А.М. был уверен, что адвокат Х. будет исполнять поручение по защите его прав как минимум до окончания предварительного расследования по уголовному делу.

Более того, как было указано выше, Квалифкомиссия также пришла к выводу об отсутствии в предмете Соглашения № об оказании юридической помощи от 21.02.2024 определённости и конкретности.

Из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Х. принимал участие в следующих процессуальных действиях с участием подзащитного Б.А.М.:

- 21.02.2024 при рассмотрении Куйбышевским районным судом города Санкт-Петербурга ходатайства следователя об избрании Б.А.М. меры пресечения в виде запрета определённых действий;
- 22.02.2024 и 01.03.2024 при допросах Б.А.М. в качестве обвиняемого.

В других следственных и процессуальных действиях по уголовному делу адвокат Х. участия не принимал.

Квалифкомиссией установлено, что экземпляр соглашения об оказании юридической помощи адвокатом доверителю не выдавался, ордер содержал сведения о защите доверителя по уголовному делу, о наличии каких-либо ограничений в отношении участия адвоката только в определённых действиях Б.А.М. не мог знать, от адвоката Х. доверитель не отказывался.

Следовательно, по мнению Квалифкомиссии, учитывая, что материалы дисциплинарного производства не содержат сведений об отказе Б.А.М. от услуг адвоката Х., доказательств необязательности участия в силу закона адвоката в судебном заседании, согласования адвокатом своей неявки в суд с подзащитным, занятости адвоката в другом деле, тем самым адвокат Х. самоустранился от защиты доверителя.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 10.07.2025 были извещены надлежащим образом.

Заявитель и его представитель адвокат П.М.Л. на заседание явились, выразили согласие с заключением Квалифкомиссии, поддержали доводы жалобы, ответили на вопросы членов Совета.

Адвокат Х. на заседание явился, выразил несогласие с заключением Квалифкомиссии, ответил на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

1. Квалифкомиссия установила, что 21.02.2024 между адвокатом Х. и И.В.И. заключено соглашение № об оказании юридической помощи Б.А.М., однако материалы дела не подтверждают наличие отношений между И.В.И. и Б.А.М. или его супругой, при этом в соглашении об оказании юридической помощи отсутствуют какие-либо сведения, позволяющие идентифицировать И.В.И., заключившего соглашение на защиту Б.А.М. (отсутствуют его паспортные данные, адрес проживания, сведения о телефонах и об иных средствах коммуникации с доверителем).

Адвокат Х. при заключении соглашения на защиту Б.А.М. законный интерес и характер взаимоотношений и родственных связей И.В.И. с Б.А.М. не выяснял. При этом И.В.И. не знаком ни Б.А.М., ни его супруге.

Б.А.М. не получал экземпляр соглашения и узнал о его условиях лишь из ответа БКА от 05.06.2024.

Квалифкомиссия справедливо отметила, что указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что достоверность поручения И.В.И. с целью осуществления защиты Б.А.М. вызывает сомнения, особенно учитывая то, что соглашение было зарегистрировано в адвокатском образовании только 05.06.2024, то есть спустя 3 месяца после его заключения (21.02.2024) и 2 месяца после исключения адвоката из БКА (10.04.2024).

Кроме того, адвокат Х., вступая в уголовное дело с целью защиты прав Б.А.М., представил ордер от 21.02.2024, в котором в качестве основания его выдачи в соответствующей графе было указано: «Соглашение от 21.02.2024», в графе «сущность поручения» указано «защита Б.А.М. по уголовному делу».

В свою очередь п. 1.1 соглашения от 21.02.2024, предусматривает оказание квалифицированной юридической помощи при рассмотрении в Куйбышевском районном суде Санкт-Петербурга ходатайства следователя об избрании меры пресечения по уголовному делу Б.А.М., консультацию, участие в допросе подозреваемого/обвиняемого, анализ ситуации по делу с учётом материалов, предоставленных следователем в суд, истребование документов.

Иными словами, адвокат Х. заключил соглашение с И.В.И. на оказание юридической помощи Б.А.М. только при проведении определённых следственных и иных процессуальных действий.

Кроме того, из текста соглашения усматривается и несогласованность условий о выплате вознаграждения, указанных в соглашении – невозможно выплачивать вознаграждение ежемесячно (п. 3.2 соглашения) при условии согласования вознаграждения в твёрдой сумме – 15 000 рублей единовременно (п. 3.1 соглашения).

Заключение соглашения в объёме, не предполагающем защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) на всём протяжении конкретной стадии уголовного судопроизводства, противоречит самой сути права каждого подвергнутого уголовному преследованию лица на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции Российской Федерации, является нарушением Закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА.

Наконец, Совет АП СПб также соглашается с выводами Квалифкомиссии о том, что доводы жалобы Б.А.М. о фиктивности заключённого соглашения заслуживают внимания постольку, поскольку:

- имела место существенная задержка регистрации соглашения в документах адвокатского образования (соглашение зарегистрировано после запросов, уже после исключения адвоката Х. из коллегии адвокатов);

- усматривается неопределённость предмета соглашения и отсутствуют данные доверителя (И.В.И.), заключившего его;

- непосредственному получателю юридической помощи (Б.А.М.) копия соглашения вручена не была;

- в кассу адвокатского образования денежные средства (вознаграждение адвоката) не вносились.

С учётом вышеизложенных обстоятельств, Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией считает, что определённость и конкретность в предмете Соглашения № об оказании юридической помощи от 21.02.2024 отсутствуют, а также приходит к выводу о нарушении адвокатом Х. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, выразившемся в том, что он заключил соглашение на защиту Б.А.М. в объёме, не предполагающем защиту обвиняемого на всей стадии предварительного расследования, что является ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем.

2. С учётом вышеизложенных доводов, Совет АП СПб также приходит к выводу о том, что адвокат Х. выписал ордер на исполнение поручения об оказании юридической помощи без заключения соглашения и регистрации его в документации адвокатского

образования, что противоречит требованиям законодательства об адвокатской деятельности.

3. Относительно доводов жалобы о самоустранении адвоката Х. от защиты доверителя.

Квалифкомиссией установлено, что адвокат Х. принимал участие в следующих процессуальных действиях с участием подзащитного Б.А.М.:

– 21.02.2024 – при рассмотрении Куйбышевским районным судом Санкт-Петербурга ходатайства следователя об избрании Б.А.М. меры пресечения в виде запрета определенных действий;

– 22.02.2024 и 01.03.2024 – при допросах Б.А.М. в качестве обвиняемого.

В других следственных и процессуальных действиях адвокат Х. участия не принимал.

Давая оценку доводам жалобы о самоустранении адвоката от защиты, неявке на следственные действия, Квалифкомиссия установила, что 18.04.2024, 23.05.2024 процессуальные действия в отношении Б.А.М. осуществлялись в присутствии иного адвоката. Сведений об отказе Б.А.М. от услуг адвоката Х. материалы дисциплинарного производства не содержат.

Признавая презумпцию адвоката Х. опровергнутой в указанной части дисциплинарных претензий, а его умышленную вину в неисполнении профессиональных обязанностей перед доверителями установленной, Квалифкомиссия исходила из того, что документов, опровергающих доводы жалобы, а равно возражений адвокатом Х. не представлено

По мнению Квалифкомиссии материалы дисциплинарного производства не содержат сведений об отказе Б.А.М. от услуг адвоката Х., доказательств необязательности участия в силу закона адвоката в судебном заседании, согласования адвокатом своей неявки в суд с подзащитным, занятости адвоката в другом деле, тем самым адвокат Х. самоустранился от защиты доверителя.

Совет АП СПб отмечает следующее.

Согласно п. 1 ст. 23 КПЭА разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

Разрешая дисциплинарное производство в данной части, Квалифкомиссия неверно распределила бремя доказывания между участниками дисциплинарного производства, не приняв во внимание принцип *factum negantis nulla probatio* (отрицание факта не требует доказательств), поскольку нет никаких признаков у того, что не существует (*nullius nulla sunt praedicata*).

Указанное означает, что сторона, утверждающая о наличии какого-либо факта, должна его доказать, а сторона, отрицающая этот факт, не обязана предоставлять доказательства его отсутствия.

Материалами дисциплинарного производства не подтверждается, что адвокат Х. вызывался следственными органами или судом для участия в каких-либо иных следственных и процессуальных действиях (в том числе состоявшихся 18.04.2024 и 23.05.2024), за исключением тех, в которых он принял участие.

Учитывая отсутствие в материалах дисциплинарного производства сведений о надлежащем оповещении адвоката Х. о необходимости явиться для участия в следственных и процессуальных действиях, в том числе 18.04.2024 и 23.05.2024, Совет АП СПб приходит к выводу о том, что указанные обстоятельства подлежат доказыванию заявителем Б.А.М., чего им сделано не было.

В свою очередь Квалифкомиссия ошибочно возложила на адвоката Х. несоразмерное бремя по доказыванию факта его неоповещения о следственных и процессуальных действиях.

Неверное распределение бремени доказывания существенно повлияло на правильность выводов Квалифкомиссии при разрешении дисциплинарного производства в данной части, так как имеющие значение для дела обстоятельства не подтверждены какими-либо доказательствами.

При таких обстоятельствах в данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, принимает решение **о прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката Х. в указанной части дисциплинарных претензий вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

В остальной части приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Х. за допущенные нарушения, Совет АП СПб учитывает, что они совершены адвокатом Х. умышленно, но не признаёт их тяжким, поскольку сведений о наступлении существенных негативных последствий не имеется.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Х. действующих дисциплинарных взысканий.

С учётом всех указанных обстоятельств Совет АП СПб полагает необходимым применить к адвокату Х. меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**, как в наибольшей степени отвечающую требованиям объективности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 1 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Х. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных требований

1) пункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абзаца 1 статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с частью 1 статьи 50 УПК РФ, пункта 6 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с пунктом 4 Стандарта осуществления защиты в уголовном судопроизводстве, Решения «О порядке оформления Соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований», утверждённого Советом АП СПб 04.02.2020 (протокол №1), с изменениями на 29.03.2021; пункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

2) пунктов 1 и 2 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпунктов 1 и 4 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», абзаца 1 статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, пункта 6 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с «Положением об ордерах на исполнение поручений об оказании юридической помощи», утвержденном Советом АП СПб 12.10.2017 (Протокол № 12), пункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **замечания**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.